

Шитова Анастасия Александровна

ИЗМЕНЕНИЯ СТЕРЕОТИПОВ ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ В 1920-Е ГОДЫ

Дается краткий обзор способов и методов, практиковавшихся партийно-государственным аппаратом для решения "женского вопроса" в Северо-Кавказском крае в 1920-х годах. Особое внимание уделяется политике ликвидации безграмотности в отношении женщин села и национальных окраин. Установлены целенаправленный характер партийной политики в отношении женщин, ее относительная гибкость. Отмечено последовательное участие комсомола в проведении этой политики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/60.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. I. С. 203-205. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

INSTITUTION OF BLOOD FEUD WITH THE ADYGHE PEOPLE IN THE XVIII-XIX CENTURIES: PROBLEM OF TRANSFORMATION

Khachetlova Susanna Mukhamedovna, Ph. D. in History
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
ha4etlova@yandex.ru

The problems of traditional social institutions take an important place in historical science. The description of laws and customs promotes the more detailed reconstruction of the traditional history of highland peoples, the regularities of the development of the North Caucasus. In this connection the author analyzes the institution of blood feud with the Adyghe people, which existed for a long period. By concrete historical material the paper examines the practice of blood feud in the XVIII-XIX centuries and the problem of its transformation.

Key words and phrases: the Adyghe people (Kabardinians, Circassians, Adygeis); blood feud; act of retaliation; “juridical” proverbs; reconciliation of mortal enemies; payment for blood; “price of blood”.

УДК 930; 316.62

Исторические науки и археология

Дается краткий обзор способов и методов, практиковавшихся партийно-государственным аппаратом для решения «женского вопроса» в Северо-Кавказском крае в 1920-х годах. Особое внимание уделяется политике ликвидации безграмотности в отношении женщин села и национальных окраин. Установлены целенаправленный характер партийной политики в отношении женщин, ее относительная гибкость. Отмечено последовательное участие комсомола в проведении этой политики.

Ключевые слова и фразы: женский вопрос; новая женщина; комсомол; политика большевиков; борьба с неграмотностью; слом традиций; Северо-Кавказский край.

Шитова Анастасия Александровна

Тамбовский государственный технический университет
anastasiya353@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ СТЕРЕОТИПОВ ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ В 1920-Е ГОДЫ[©]

Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-31-01002 «Комсомол как социокультурный феномен XX века».

Первые десятилетия существования советской власти были связаны с решением множества важных задач, вызванных коренной перестройкой социального механизма общества. Одной из важнейших стала задача формирования «нового элемента» такого механизма – «нового человека». В идеологической основе нового общества гендерные различия рассматривались как отражение классовых различий, и, соответственно, закономерным являлся вывод о необходимости освобождения женщины от социальной и экономической зависимости от мужчин. Поэтому новая власть уже в первые десятилетия своего существования использовала все доступные средства для предоставления женщине свободы в обществе, уничтожения различных, исторически сложившихся барьеров и психологических стереотипов («Бабе дорога – от печи до порога» [6, с. 3]).

Новая женщина, особенно – молодая, должна была качественно отличаться от своих предшественниц: центром ее активности становилась общественная жизнь. Решение этой задачи подразумевало участие женщин в различных организациях, соответственно, в партии и комсомоле, изменение подхода к такому участию: «По отношению к комсомолкам в нашем Союзе царило очень часто мнение: “курица не птица, баба – не человек”. Девушки не привлекались к активной работе. Не было товарищеского отношения к ним. Этому должен быть положен конец» [18, с. 28].

Отсутствие активности женщин и девушек связано с тем, что многие из них просто не находили нужным участвовать в общественной и политической жизни государства. Традиционные представления о женщине – домашней хозяйке и воспитателе малолетних детей являлись господствующими. Так, в 1926 году одна из самых активных представительниц новой власти, А. Коллонтай, писала о женщинах России в целом: «... Женщины получили все права, но на практике они все еще живут под старым игом» [Цит. по: 11, с. 178-179].

Для Северо-Кавказского края такое поведение женщин было еще более типичным в связи с преобладанием сельского населения и наличием крепких казачьих и национальных традиций. В 1923 г. в журнале «Спутник парработника» давалась такая характеристика текущей ситуации и рекомендации по разрешению возникающих проблем: «Область работ среди широких масс женщин – еще непочатый угол. Из-за отсутствия достаточного кадра коммунисток. Необходимо, чтобы делегатки ближе подошли к ячейке, непосредственно соприкоснулись с ее работой и в процессе этой работы могли бы обрабатываться в требуемом нам направлении. Обязательно ввести посещение занятий общественно-политических кружков» [Цит. по: 8].

С большим трудом удавалось привлекать женщин в комсомол и партию. В целом по стране в 1925 г. численность девушек в ВЛКСМ составляла около 16%, в автономных областях и республиках – 12,1% [13, с. 236; 14, с. 82-83]. В Северо-Кавказском крае процент зависел от района и национальной специфики, например: союз РЛКСМ в Константиновской сельской ячейке имел «50 человек членов, из них 14 девушек, по социальному и имущественному положению разбивающихся на следующие группы: батраков 23, бедняков 16, середняков 8, служащих 2. По культурному уровню ячейка довольно слабая: 2/3 всего состава технически малограмотны» [Цит. по: 8]; в Дагестане в начале 1925 г. во всей республиканской организации девушек было 250 (8%), непосредственно в аулах – лишь 13 [13, с. 236]; в одном из районов Адыгеи в 1924 г. – одна комсомолка на 900 человек в организации [7]; на всю Чечню в 1924 г. было 22 комсомолки, и отмечался рост численности вступивших в комсомол девушек – 89 в 1927 г. [2, с. 87-88].

Еще одним препятствием для внесения новой идеологии в массы и формирования нового человека являлась низкая грамотность населения Северо-Кавказского края, а среди женщин в особенности: в 1920 г. на тысячу жителей региона приходилось всего 281 грамотных [10, с. 251], а в Чечне только 0,84% взрослого населения умело читать и писать по-русски, в Ингушетии – около 3%, в Кабардино-Балкарии – 7%, в Северной Осетии – 14,7% [Там же, с. 69]. Для решения этой проблемы была принята целая программа действий, включавшая в себя как законодательные акты, так и решения партийных и комсомольских организаций, причем обучение вменялось в обязанность.

Для этих целей создавались пункты ликвидации безграмотности (ликпункты) во всех районах края. Так, в Кабардино-Балкарии в 1925 г. действовало уже 145 ликпунктов, в Карачае и Черкессии в том же году в 12 пунктах и школах по ликвидации неграмотности обучалось 2,6 тыс. человек [16, с. 125-126]. Однако и в этом деле не обошлось без проблем, главная из которых – отсутствие должного числа квалифицированных учителей. На работу в ликбезах и ликпунктах привлекались все, умевшие читать и писать. Среди учителей был высок процент молодежи, большая часть предстателей которой не имела «даже среднего образования, а только низшее и никакого педагогического стажа» [5, д. 387, л. 45].

Особое место в проблеме ликвидации безграмотности занимала в крае работа с женщинами. Велся особый учет и цифры стояли на контроле в партийных организациях. Так, в годовом отчете комитета партии за 1923-24 гг. указывались такие данные: «В школах политграмоты по губернии обучается до 400 женщин. В клубной работе по губернии принимает участие до 2000 человек. По губернии насчитывается свыше 100 нарзаседаний. Всюду проведены широкие беспартийные конференции казачек и крестьянок, через которые прошло до 5000 человек. Через ликпункты прошло свыше 1000 человек» [4, д. 167, л. 12, д. 168, л. 7 об.].

Отношение к учебе в горских республиках было противоречивым, хотя со временем начинало меняться, что вероятно, объясняется различным отношением женщин-горянок к разным формам образования. Например, в Кабардино-Балкарской автономной области в 1924 г. в Ленинский учебный городок первых слушательниц набирали по жребию, причем некоторые из слушательниц, чтобы избежать отправки в этот учебный городок, готовы были пойти на самоубийство [17, д. 119, л. 99]. Объяснялось это тем, что этот учебный городок был создан для политического и коммунистического образования женщин. Противоположный пример приводится в одном из современных исследований [1, с. 230-233]: в марте 1925 г. в сельсовет одного из селений Хасавюртовского округа явилось 18 горянок. Одна заявила: «Советская власть дала нам свободу, дайте нам и просвещение – мы хотим учиться», а на 4-м съезде женщин Дагестана делегатка Алиханова заявляла: «Мы, женщины аулов, проснулись. Мы неграмотны, но работать и учиться хотим» [Там же].

Однако партийная политика в области ликвидации безграмотности проводилась последовательно, и это стало давать результаты. Пленум национальной комиссии Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б) запланировал создать во всех национальных областях в 1928 году трехгодичные учительские курсы для подготовки кадров преподавателей из горянок и обеспечить максимальный рост и укрепление сети ликпунктов, школ I и II ступени, изб-читален. Кроме того, была организована работа по подготовке ликвидаторов неграмотности из числа самих женщин. В одной из самых сложных областей в Чечне в 1927 г. 16 чеченок – ликвидаторов (безграмотности) – успешно окончили краткосрочные учительские курсы. В 1928 г. в 8 ликпунктах Чеченской области обучалось 194 женщины, а в 1929 г. в школах I ступени насчитывалось уже 888 девушек, в детском городке – 28 девочек, в вузах и техникумах занималось 30 горянок. При Алхан-Юртовском клубе и в некоторых других местах были учреждены женские ликпункты, в которых обучались 259 чеченок [2, с. 87-88].

Принципиально важным шагом в решении «женского вопроса» явилось, конечно, предоставление всей полноты прав женщинам. Уже в первые годы советской власти был принят ряд законодательных актов, на основе которых строилась работа с женщинами. В горских районах края такие акты принимались с учетом традиций, затрагивавших статус женщины: так, сначала был уменьшен калым (выкуп за невесту), а затем был формально запрещен; вводилось законодательное запрещение похищения невест (умыкание), строгие меры принимались особенно в тех случаях, когда похищение совершалось против воли невесты; запрещено было многоженство и повышен брачный возраст для девушек [15, с. 205]. Обратной стороной этого процесса становилось вовлечение женщины в процессы общественного производства, которые отрывали ее от привычного круга обязанностей. Семейные традиции деформировались, и вместо общества с гендерным распределением ролей, стало формироваться общество с равной зависимостью граждан от государства, а в рассматриваемом случае – еще и от партии и партийной идеологии, которая в 1920-х гг., будучи направленной на слом стереотипов, разрушала сущностные роли женщины в таком социальном институте, как семья, утверждая, что ее функции в общественной и семейной жизни, домашняя работа, роль женщины-матери унижительны [12, с. 297].

Решение «женского вопроса» в 1920-х гг. давало женщине статус полноправного члена общества, повышало ее культурный уровень, способствовало равенству с мужчиной. С другой стороны, женщина вынуждалась

на несение тройной нагрузки: семейной, связанной с детьми и домашним хозяйством; рабочей, так как она вовлекалась в процесс общественного производства, то есть фактически ее заставляли трудиться вне дома; общественно-политической, поскольку вынуждалась к определенной социальной и политической деятельности.

Список литературы

1. Адухов М. Д. Становление и развитие светского образования в Дагестане: вторая половина XIX – XX в.: дисс. ... д.и.н. Махачкала, 2004. 500 с.
2. Ахмадова М., Абубакарова А. Чеченская женщина в условиях социально-экономического и культурного строительства в Чеченской автономной области 20-30-х гг. XX века // Вайнах. 2014. № 1. С. 85-90.
3. Власть Советов. 1929. 16 мая.
4. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 7. Терский губернский комитет РКП(б) (губком). 1921-1924 гг. Оп. 1.
5. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 164. Оп. 1.
6. Даль В. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х т. М., 1984. Т. 1. 383 с.
7. Комсомол в Адыгее: Адыгейский (Черкесский) областком РЛКСМ // Смена. 1924. № 14.
8. Коршун О. (Ставрополь) «Мир повседневности» женщины в 20-е гг. XX века в Ставропольской губернии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/168> (дата обращения: 24.01.2015).
9. Котов В. Северный Кавказ в 30-40-е годы. Проблемы этно-демографического развития // Россия XXI. 1996. № 1-2. С. 66-80.
10. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941 гг.). Майкоп, 1995. 286 с.
11. Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и А. Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 174-186.
12. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. М., 1959. 602 с.
13. Скоропад А. Э. «Одевичивание» комсомола как составляющая политического контроля // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2013. № 2. С. 234-238.
14. Слезин А. А. Сельский комсомол 1920-х годов: реалии «одевичивания» // Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям России. Оренбург, 2002. С. 80-85.
15. Текуева М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006. 260 с.
16. Хутыз К. К. Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки (на материалах адыгских народов Северного Кавказа). Ростов н/Д, 1993. 362 с.
17. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 2. Оп. 1.
18. Ярцев Г. Комсомольское обозрение // Смена. 1924. № 3.

CHANGES OF STEREOTYPES OF WOMAN'S BEHAVIOR IN THE NORTH-CAUCASUS KRAI IN THE 1920S

Shitova Anastasiya Aleksandrovna
Tambov State Technical University
anastasiya353@mail.ru

The article gives a short review of means and methods, which were practiced by the party-government apparatus for the solution of "female issue" in the North-Caucasus Krai in the 1920s. Special attention is given to the policy of the elimination of illiteracy among the women, who lived in villages and national outlying districts. The purposeful character of the party policy in relation to women, its relative flexibility are ascertained. The consistent participation of the Komsomol in holding this policy is pointed out.

Key words and phrases: female issue; new woman; Komsomol; Bolshevik policy; struggle against illiteracy; destruction of traditions; the North-Caucasus Krai.

УДК 130.3

Философские науки

В статье исследуется алкогольное путешествие как такое экзистенциальное изменение состояния сознания, при котором возникает новое, нехарактерное для повседневной яви, восприятие времени. На основании сопоставления стадий алкогольного путешествия и фаз номадических скоростей выявлено тождество хроновосприятия, характерного для алкогольного опьянения, и особенностей переживания времени номадом (кочующим субъектом), позволяющее говорить об алкогольном путешествии как модели номадности.

Ключевые слова и фразы: алкогольное путешествие; время; номадическая скорость; инобытие; настоящее.

Шляков Алексей Владимирович, к. соц. н.
Тюменский государственный нефтегазовый университет
schafferhund@rambler.ru

АЛКОГОЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МОДЕЛЬ НОМАДНОСТИ®

Проблема алкоголизма до конца XX в не являлась предметом философского осмысления. В эпоху постмодерна она становится частью онтологической проблемы: стремление человека выйти за пределы наличного